

А. Ф. ДОБРЫНИН

Процесс разрядки набирает силу. Визит Брежнева в США

<Фрагмент>

В 1973 году процесс позитивного развития советско-американских отношений набирал силу. В этом плане основным событием года явился визит в США Брежнева и его переговоры с Никсоном¹. В результате определились главные направления развития этих отношений: предотвращение угрозы войны, в первую очередь ракетно-ядерной, и ограничение гонки вооружений, прежде всего — стратегических; меры, направленные на ослабление международной напряженности и, в частности, очагов конфликтов (Европа, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия и т. п.²); развитие на более стабильной основе торгово-экономических и научно-технических связей.

Большое положительное значение для советско-американских отношений имело окончание войны во Вьетнаме³.

Новый уровень отношений между двумя странами позволил удержать в локальных рамках опасную напряженность, возникшую в ходе октябрьского военного конфликта на Ближнем Востоке, не дал ей разрастись и перекинуться на всю сферу советско-американских отношений, а также на положение в мире в целом. Политика разрядки показала свою жизнестойкость, хотя рецидивы элементов политики Белого дома с «позиции силы» давали себя знать в течение года. Да и идея разрядки в практическом ее претворении в жизнь, в общем-то, «свалилась» на американцев довольно неожиданно. Многие слои американского народа еще как бы «не созрели» для тех быстрых изменений, которые стали происходить за последние два года в советско-американских отношениях.

Более того, враждебные Советскому Союзу круги начали активно выступать против политики разрядки, в их числе оказались и многие американские либералы. На этой волне конгресс принял известные поправки Джексона-Вэника⁴, дискриминационные

в отношении торговли с СССР. Короче, пока преждевременно было говорить о серьезном переломе в настроениях внутри США — в отличие от СССР — в сторону стабильного улучшения наших отношений. Наиболее заметный отпечаток на внутривнутриполитическую обстановку наложило «уотергейтское дело», которое серьезно встревожило вначале либеральные круги американского общества, а затем и широкие слои американцев. «Уотергейт» положил начало процессу подрыва внутривнутриполитических позиций республиканской партии и в первую очередь самого президента Никсона. По существу, встал вопрос о возможности его дальнейшего пребывания в Белом доме. Происходило ослабление исполнительной власти в пользу законодателей — конгресса США. В 1973 году впервые в политической истории США конгресс решил ограничить полномочия президента в военной области.

В 1973 году США проводили довольно маневренную и активную внешнюю политику, хотя внутренние осложнения, безусловно, существенно ограничивали ее эффективность. Активность внешней политики США наиболее наглядно проявилась, в частности, в посреднической роли, которую сыграл Вашингтон в деле разведения израильских и арабских войск после октябрьской войны на Ближнем Востоке⁵, а также в улучшении отношений с арабскими странами. Вместе с тем Вашингтон стремился ограничить влияние СССР в этих странах.

И все же в ходе интенсивных советско-американских переговоров во время самой войны США фактически приняли на какое-то время наш тезис о необходимости совместных с СССР действий в интересах обеспечения мира на Ближнем Востоке. Американцы пошли на выработку соглашения о прекращении огня, на организацию совместно с Москвой процесса переговоров по ближневосточному урегулированию, хотя, правда, постарались в дальнейшем поставить их под свой контроль.

В Европе США оказались втянутыми в процесс стабилизации положения и подведения черты под второй мировой войной, а также в переговоры по созданию системы коллективной безопасности в Европе, хотя американская дипломатия и не проявляла особых инициатив.

Готовится новая встреча на высшем уровне

Когда мы встретились с Киссинджером в начале января, то он выразил надежду, что вьетнамский вопрос будет все же «как-то решен в течение ближайшего месяца». Поэтому, сказал он, на повестку дня встанет новая встреча с Брежневым, возможно, в мае или июне, как и предполагалось ранее. Белый дом предлагал в этой связи провести в феврале месяце интенсивное

обсуждение по конфиденциальному каналу всех вопросов, которые будут предметом переговоров на встрече на высшем уровне. Еще до встречи тексты совместных документов должны быть согласованы на 90–95 процентов.

Киссинджер рассказал о реорганизации своего аппарата в Белом доме, вызванной переводом его заместителя генерала Хейга⁶ на пост первого заместителя начальника штаба армии США. Скоукрофт⁷, бывший до этого старшим военным помощником при президенте (в этом качестве он сопровождал его в Москву), стал заместителем Киссинджера.

Он сообщил далее, что президент решил оставить его самого на посту помощника по национальной безопасности еще на 4 года, т. е. до конца своего второго президентства. (Надо сказать, что к началу 1973 года Киссинджер достиг вершины своей политической популярности. По опросам общественного мнения в США, он занимал первое место по популярности, на втором оказался проповедник Грэхем, а на третьем — Никсон. Известный лондонский музей мадам Тюссо выставил для обозрения его восковую фигуру. А участницы международного конкурса красоты «Мисс Юниверс» с энтузиазмом признали его как «наиболее выдающегося деятеля мира».)

В середине января я пригласил Киссинджера на завтрак. Мы обсудили положение во Вьетнаме, Европе, на Ближнем Востоке и текущие проблемы двусторонних отношений.

В связи со спекуляциями в прессе США относительно ядерного потенциала Китая Киссинджер сказал, что, по американским данным, Китай в тот период сосредоточивал все свои силы на создании ракетно-ядерного потенциала средней дальности. «У китайцев, — отмечал он, — уже есть отдельные опытные образцы ракет, которые могут достичь основных центров СССР. Однако таких ракет мало и они еще окончательно не отработаны, хотя в течение 2–3 лет они будут, видимо, доведены до необходимого научно-технического уровня. Что касается китайских межконтинентальных ракет, которые достигали бы США, то американская разведка и эксперты исходят из того, что первые ракеты такого типа будут развернуты в 1977–1978 годах». (Москва в тот момент придерживалась более консервативных оценок китайских возможностей⁸.)

В речи, с которой Никсон выступил (20 января) в конгрессе США по случаю вступления на пост президента на второй срок, он, в частности, выразил уверенность в продолжении сотрудничества с Советским Союзом в Деле ограничения гонки вооружений и предотвращения опасных конфронтации между СССР и США.

Никсон считал, что в связи с окончанием войны во Вьетнаме появилась возможность определить конкретную дату визита

Брежнева в США. Чтобы поставить отношения с Москвой на солидную основу, президент даже предложил пост посла США в СССР бывшему госсекретарю Дину Раску⁹. Однако последний не захотел возвращаться на государственную службу и предпочел остаться на преподавательской работе в одном из университетов своего штата.

В конце января Никсон и Брежнев обменялись письмами в связи с окончанием войны во Вьетнаме. Они констатировали, что вьетнамское урегулирование открывает для советско-американских отношений благоприятные перспективы. В этой связи президент просил назвать наиболее удобную для Брежнева дату визита в США.

21 февраля Брежнев ответил, что намерен совершить визит в США в июне месяце. В своем письме он перечислил ряд нерешенных проблем, которые следовало бы форсированно готовить к встрече, а именно: договор о неприменении ядерного оружия, ограничение ядерных вооружений, безопасность и сотрудничество в Европе, ближневосточное урегулирование, двусторонние отношения, прежде всего область торгово-экономических связей.

8 марта я встретился с Никсоном в Белом доме.

Он прежде всего подчеркнул, что предстоящая новая встреча на высшем уровне имеет слишком важное значение, чтобы подготовка была пущена на самотек. Поэтому он дал четкие указания Киссинджеру заняться такой подготовкой совместно со мной.

Никсон заявил, что в США имеются еще группы, которые, преследуя свои корыстные интересы, стремятся ставить палки в колеса, чтобы замедлить дальнейшее улучшение советско-американских отношений и лично между руководителями обеих стран. Эти группы были и остаются противниками встреч на высшем уровне, и они не очень-то горевали бы, если бы таких встреч больше не было вообще. Однако не они определяют курс внешней политики США, а президент. И хотя ему и приходится преодолевать определенную оппозицию и подчас маневрировать, его общий курс в отношении СССР был ясно изложен и зафиксирован в ходе московской встречи. Он твердо намерен развивать его и далее, пока находится в Белом доме. Об этом ясно будут свидетельствовать, как он уверен, и итоги его предстоящей встречи с Брежневым.

Затем мы обсудили ход подготовки разных проблем, которые будут предметом обсуждения и решения на встрече в верхах. Наибольшую трудность для него, как признал президент, представлял вопрос о неприменении ядерного оружия друг против друга. Хотя такой договор и не меняет ничего в существующем фактическом положении вещей, сказал Никсон, он произведет очень сильное

психологическое воздействие в странах НАТО, где и так уже немало нареканий в адрес Вашингтона и его нынешней политики. Однако, с другой стороны, он понимает важное значение, придаваемое этому договору советским руководством. Надо сказать, что вопрос о неприменении ядерного оружия, обсуждавшийся в контексте выработки соглашения между СССР и США о предотвращении ядерной войны, явился наиболее трудной частью переговоров при подготовке к встрече в Вашингтоне. Этим вопросом в течение нескольких месяцев (апрель-июнь) занимались не только Киссинджер и я, но и непосредственно Никсон и Брежнев, которые несколько раз обменивались конфиденциальными письмами на этот счет. Только потому, что вопрос был постоянно в поле зрения лично руководителей обеих стран, это не позволило Белому дому отступить назад, хотя и были такие попытки под видом поиска компромиссных формулировок.

30 марта президент Никсон в очередной беседе со мной заявил, что он согласен с мнением советского руководителя об исключительной важности этого вопроса и считает, что этот документ может явиться важнейшим результатом его встречи с Брежневым. В этой связи намечалась поездка Киссинджера в Москву, чтобы завершить работу над этим и некоторыми другими документами.

В ходе подготовки к вашингтонскому саммиту в США усилилась антисоветская кампания вокруг вопроса о свободе выезда лиц еврейской национальности из СССР. Высшее советское руководство по-прежнему упрямо отказывалось рассматривать какие-либо компромиссные шаги в этом вопросе, утверждая, что все это чисто внутреннее дело СССР и что оно отвергает «происки международных сионистов». Неумная и недальновидная политика.

Надо сказать, что в период между первой и второй встречей в верхах в США стала образовываться странная коалиция сил, которые представляли обычно противоположные части политического спектра страны. С одной стороны, американские либералы и сионисты, которые считали, что наступает благоприятное время, когда можно бросить открытый вызов политике Советского Союза в области эмиграции. С другой стороны, консерваторы всех мастей, традиционно выступавшие против политики разрядки, которая была несовместима с их идеологической позицией, отвергающей любые контакты с социалистическими странами.

Обращение Никсона весной 1973 года к конгрессу с предложением предоставить Советскому Союзу режим наибольшего благоприятствования в торговле с США послужило как бы сигналом для объединения этих сил. Либералы ставили условием поддержки такого режима резкое сокращение ограничений на выезд из СССР.

Консерваторы же выступали против расширения торговли, так как они вообще были против разрядки как таковой.

Сенатор Джексон¹⁰ внес 15 марта на рассмотрение сената поправку к законопроекту о торговой реформе, поддержанную 73 сенаторами. В соответствии с поправкой Советскому Союзу не следовало предоставлять кредиты и режим наибольшего благоприятствования в торговле до тех пор, пока СССР не снимет ограничений на выезд советских граждан за границу.

Обеспокоенное, наконец, размахом этой кампании, советское руководство прислало, по просьбе Никсона, информацию о выезде советских граждан на постоянное жительство в другие страны. Сообщалось, в частности, что из числа лиц, выразивших в 1972 году желание выехать в Израиль, такие разрешения получили 95,5 процента подавших заявления. Всего за период с 1971 года по сентябрь 1973-го в Израиль выехали около 70 000 евреев.

И Никсон, и Киссинджер сообщили нам, что постараются использовать эту информацию для работы с различными представителями конгресса, от которых во многом зависело прохождение любого торгово-экономического законодательства в отношении СССР.

В начале мая Киссинджер вылетел в Москву. Надо сказать, что в переговорах с ним — помимо Громыко — принимал активное участие сам Брежнев, особенно по военно-политическим вопросам. Переговоры проходили в подмосковном охотничьем хозяйстве в Завидово, куда Брежнев любил приезжать на охоту. Значительная часть времени ушла на обсуждение проекта Соглашения о предотвращении ядерной войны. Брежнев придавал этому документу особое значение.

Для настроений Брежнева, как и всего советского руководства, в том, что касается доверия лично к Никсону и его администрации, характерен следующий любопытный эпизод. Когда в Завидово был выработан документ с проектом вышеуказанного соглашения, Киссинджеру предложили как бы парафировать согласованный текст. Он уклонился, сказав, что у него нет таких полномочий, но выразил уверенность, что президент полностью одобрит его.

Брежнев дал волю своим эмоциям (отчасти наигранным), заявив, что он не для того потратил целых два дня, чтобы все это закончилось никого не обязывающим разговором. Спор разрешился тем, что Брежнев настоял на получении от Киссинджера «расписки» на простом листе бумаги о готовности правительства США подписать такое соглашение. Расписка, разумеется, не имела большой юридической силы, но она доставила чувство удовлетворения Брежневу, который затем с гордостью рассказывал членам Политбюро, как он «выбил» эту расписку у Киссинджера. Он, видимо, считал

это своим большим дипломатическим достижением. Внешне же вся эта сцена немного напоминала знаменитую сцену торга между Чичиковым и Собакевичем из комедии Гоголя «Мертвые души».

В одной из последних бесед с Никсоном, когда я вернулся в Вашингтон после встречи в Завидово, президент сказал мне, что его несколько удивило неверие советского руководства в его готовность заключить такое соглашение. Ведь простая расписка Киссинджера, заметил Никсон, никак не помогла бы, если уж я решил бы отказаться от такой договоренности.

Я постарался представить этот эпизод как шутку Брежнева.

В целом обмен мнениями с Никсоном по итогам поездки Киссинджера показал, что президент был твердо настроен на проведение действительно результативной встречи с Брежневым.

Надо сказать, что Брежнев любил пошутить, когда встречался с Киссинджером и его советниками. Вспоминаю такой эпизод. Как-то во время краткого отдыха зашел разговор о часах. Сонненфелдт¹¹, советник Киссинджера, похвалился своими швейцарскими часами. Неожиданно Брежнев, закрыв свои наручные часы рукой, предложил Сонненфелдту обменяться — не глядя — часами. Последний сперва заколебался, но затем, видимо, решив, что у Генерального секретаря ЦК КПСС должны быть дорогие часы, согласился на обмен. Сделка состоялась. Оказалось, что Брежнев носил простые советские часы, подаренные ему коллективом какого-то часового завода. Часы были хорошего качества, но со стальным, а не золотым корпусом, как, видимо, ожидал американец. Короче, его часы стоили дороже, чем брежневские, но Сонненфелдту пришлось утешиться тем фактом, что теперь у него были сувенирные часы, которые носил руководитель Советского Союза.

По окончании переговоров Брежнев предложил Киссинджеру прогуляться с ним на автомобиле по окружавшей Завидово живописной сельской местности. Тот охотно согласился, не зная, конечно, что ему предстоит пережить.

Дело в том, что Брежнев любил сам водить автомобиль, да к тому же на очень большой скорости. В течение примерно получаса они вдвоем (охрана мчалась сзади) неслись по извилистой и довольно узкой дороге.

Эта поездка «с ветерком», как мне показалось, основательно потрясла Киссинджера, которому совсем не улыбалась перспектива попасть в аварию где-то в лесах России, хотя и вместе с советским лидером. Последовавшая сразу же за этим не менее скоростная прогулка на мощном катере в верховьях Волги, видимо, окончательно выбила Киссинджера «из колеи». Он даже на какое-то время лишился присущего ему чувства юмора.

Накануне визита

В одну из наших встреч Киссинджер затронул «уотергейтское дело», но с явной целью показать, что сам он в этом не замешан и что оно не повлияет на его положение в Белом доме. Наоборот, утверждал он, его положение даже упрочилось, поскольку из Белого дома вынуждены были уйти два ближайших помощника президента, Холдеман и Эрлихман¹², замешанные в этом скандале, с которыми Киссинджер вообще не всегда ладил.

Киссинджер подчеркнул далее в беседе, что президент не допускает и мысли о возможности своей отставки. По его словам, политические противники президента еще несколько месяцев будут активно использовать этот скандал против Никсона, но, в конце концов, все снова встанет на свои места. «Никсону, конечно, очень обидно и досадно, что его соотечественники как-то забывают все его большие достижения в области внешней политики, а это пустяковое, по существу, в условиях Америки дело раздувается его врагами до гиперболических размеров», — сказал он.

Он признал вместе с тем, что это «дело» отнимает у Никсона много времени и мешает ему сосредоточиться на важных внешнеполитических вопросах.

В конце мая Никсон передал на рассмотрение Брежнева подробную программу его визита в США.

Однако в начале июня под угрозой срыва оказалось подписание на встрече соглашения об основных принципах по стратегическим вооружениям. В последний момент Никсон, опасаясь критики своих оппонентов в стране, в категорической форме внес в текст некоторые изменения, которые Брежневу, хотя и с неохотой, все же пришлось принять.

Рассерженный Брежнев отклонил, в свою очередь, предложение Никсона побывать, помимо Вашингтона, и в его личном доме в Сан-Клементе, сославшись на запрет врачей (у Брежнева действительно появились первые симптомы нарушения мозгового кровообращения, но пока в слабой форме, и об этом мало еще кто знал).

11 июня мы вместе с Киссинджером тщательно «дошлифовывали» документы, которые готовились к подписанию во время встречи. Работали также над совместным коммюнике. В конце он сказал «откровенно, без дипломатии», что Никсон очень обижен отказом Брежнева побывать у него дома в Сан-Клементе и это может сказаться на ходе всей встречи. Я тогда решил послать телеграмму в Москву с рекомендацией пойти все же, если можно, навстречу этому желанию Никсона. На следующий день Брежнев сообщил Никсону, что он решил «пойти наперекор советам врачей» и поехать в Калифорнию.

Около 12 часов ночи мне позвонил сам Никсон. Прошу передать Генеральному секретарю мою благодарность за такое его решение, сказал он. Я приглашаю его поселиться в моем доме. Уверен, что время, которое мы с ним проведем под одной крышей, послужит еще большему нашему сближению и взаимопониманию. А это немаловажный фактор, ибо я глубоко убежден в том, что мы с Генеральным секретарем, как руководители двух самых могущественных стран, во многом предрешаем судьбы войны и мира на всем земном шаре. Дело тут не в каком-то тщеславии или самомнении. Это историческая реальность. Мой дом в Калифорнии называется по-испански «Каса Пасифик» («дом мира»). Название это давнишнее, без каких-либо претензий, но сейчас оно приобретает немалый символический смысл, подчеркнул президент.

Поскольку все проекты соглашений были подготовлены заранее, то Никсону и Брежневу не надо было вести какие-то переговоры, чтобы завершить подготовку текстов этих соглашений. Поэтому предстоящая встреча давала хорошую возможность для свободного обмена мнениями по широкому кругу вопросов.

Визиту Брежнева предшествовало укрепление его внешних и внутренних позиций. До приезда в США советский руководитель совершил весной успешный визит в ФРГ¹³. Это была вообще первая поездка Генерального секретаря ЦК КПСС в Западную Германию. Был заключен ряд важных экономических и торговых соглашений.

Еще более важным лично для Брежнева было одобрение апрельским (1973 г.) пленумом ЦК внешнеполитического курса, который все больше ассоциировался с его именем. Особо подчеркивалось значение принципа «мирного существования».

Важное значение для Брежнева имели также кадровые изменения в составе Политбюро, которое пополнилось его сторонниками — Громыко (министр иностранных дел), маршал Гречко (министр обороны), Андропов (председатель КГБ). Из членов Политбюро выбыли Воронов и Шелест. Последний был «ястребом», противником улучшения отношений с США, выступал против приглашения Никсона в СССР в 1972 году. Но вернемся к визиту советского руководителя в США.

Визит Брежнева в США (18–26 июня 1973 года)

Брежнев прибыл в США 18 июня. Его сопровождали Громыко, министр торговли Патолитчев, министр гражданской авиации Бугаев и другие. С военного аэродрома «Эндрюс», где приземлился самолет и где гостей встречал госсекретарь Роджерс, Брежнев и Громыко, которых я сопровождал, вылетели на вертолете в заго-

родную резиденцию президента Кэмп-Дэвид. Там они остановились на ночь. Прием и резиденция понравились Брежневу, он тут же по спецтелефону поделился своими впечатлениями с некоторыми коллегами из Политбюро в Москве. Утром он вылетел в Вашингтон для встречи с президентом Никсоном. До 23 июня Брежнев жил в Вашингтоне в специальном правительственном особняке «Блэйр хаус» на Пенсильвания авеню, почти напротив Белого дома. Переговоры с Никсоном и подписание ряда документов проходили в Белом доме. Часть бесед они провели в Кэмп-Дэвиде.

Запомнилась официальная торжественная встреча 19 июня на ухоженном газоне южной лужайки Белого дома, где на специальном подиуме вместе с президентом США стоял Брежнев. Пожалуй, для него лично это был момент наивысшего триумфа, ибо что могло быть еще выше: он, равный самому американскому президенту, руководитель страны, равной самим США по военной мощи, по ракетам и ядерным боеголовкам.

Торжественный ритуал, исполнение гимнов, артикулы почетного караула, участие совместно с американским президентом на церемонии встречи в США на глазах всего мира — это было для тогдашних советских руководителей высшим актом признания их власти и влияния.

По иронии судьбы, Никсон, президент крупнейшей страны Запада, переживал в этот момент период падения своего влияния и авторитета в США. Как раз на время визита Брежнева были прерваны на неделю слушания по «уотергейту», которые передавались по телевидению на всю страну. В Советском Союзе об этом скандальном деле в это время мало что было известно. Первые сообщения на этот счет в августе сопровождались комментариями насчет «происков врагов Никсона, не заинтересованных в улучшении отношений с СССР». О возможности импичмента Никсона советский читатель узнал лишь к концу года.

Брежнев и Никсон в течение нескольких дней подробно обсуждали узловые вопросы современного международного положения, региональные проблемы (Индокитай, Европа, Ближний Восток), состояние и перспективы отношений между обеими странами.

Были подписаны: соглашение о предотвращении ядерной войны; документ «Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических и наступательных вооружений»; соглашение о научно-техническом сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии; соглашения о сотрудничестве в области сельского хозяйства, транспорта, исследования Мирового океана, а также общее соглашение о контактах-, обменах и сотрудничестве; конвенции по вопросам налогообложения.

24 июня в Сан-Клементе, куда затем вылетели Никсон и Брежнев с группой сопровождавших лиц, было подписано Совместное советско-американское коммюнике. Стороны согласились с тем, что дальнейшие встречи на высшем уровне должны проводиться регулярно. Брежнев передал Никсону приглашение посетить Советский Союз в 1974 году. Приглашение было принято. 26 июня Брежнев вылетел в Москву.

Главным результатом визита Брежнева в США советское руководство считало заключение соглашения о предотвращении ядерной войны. Оно рассматривало этот документ как действительно серьезное достижение политики разрядки, ибо предотвращение такой войны было на деле генеральным курсом Кремля в отношениях с США в течение всего послевоенного периода. Американская сторона, по моим наблюдениям, не придавала этому соглашению такого фундаментального значения.

Несколько слов об истории этого вопроса. Начиная с 60-х годов Советский Союз неоднократно предлагал на разных форумах принять совместное обязательство «не применять первыми ядерное оружие». США и их союзники постоянно отклоняли такое предложение, исходя из необходимости сохранения ядерного устрашения на случай крупного неядерного вооруженного конфликта с СССР*.

Вопрос этот поднимался Брежневым и во время поездок Киссинджера в Москву, а затем и на встрече с Никсоном в Москве в 1972 году. Никсон ушел от разговора по существу и предложил продолжать обсуждение вопроса по каналу Киссинджер-Добрынин. Советская сторона продолжала оказывать давление на Никсона и Киссинджера, демонстрируя серьезность своих намерений. Уже в июле 1972 года Киссинджеру был передан проект договора о неприменении ядерного оружия друг против друга. Но наши американские партнеры продолжали тянуть время (это я особенно ощущал при встречах с Киссинджером).

Однако весной 1973 года в связи с приближением визита Брежнева в США американскому руководству нужно было уже определиться окончательно. Оно решило пойти на такое соглашение, но перенести при этом упор с неиспользования ядерного оружия на более широкую формулу относительно неиспользования силы

* Американские военные теоретики различали два вида использования ядерного оружия: первый (внезапный) удар ядерными силами и использование первым ядерного оружия уже в ходе вооруженного конфликта, если другая сторона будет иметь преимущества в обычных войсках. Первый вариант как бы осуждался, второй, по существу, признавался составной частью американской военной доктрины.

и невключения в документ тезиса о том, что риск ядерной войны связан не только с первоначальным использованием ядерного оружия. Короче, был взят курс на максимально разбавленный, необязывающий текст, чтобы у союзников США, а также у Китая не создавалось впечатление о советско-американском ядерном кондоминиуме. Этого Киссинджер опасался больше всего.

В результате нелегких переговоров уже незадолго до визита Брежнева в США удалось выработать ключевое положение соглашения, которое гласило, что стороны «будут действовать так, чтобы исключить возникновение ядерной войны между нами и между каждой из сторон и другими странами». Хотя эта формула отличалась от нашего первоначального предложения (не применять первыми ядерное оружие), она все-таки была достаточно четкой и недвусмысленной.

В своих мемуарах Киссинджер откровенно признает, что они уступили нажиму русских, но постарались — в ходе затяжных предварительных переговоров до визита Брежнева — исключить из документа все, что потенциально могло бы нанести ущерб интересам США.

В Москве, конечно, понимали все маневры Никсона-Киссинджера. Шел упорный торг вокруг формулировок, который закончился подписанием в США в 1973 году проекта компромиссного текста соглашения.

Каждая сторона надеялась, что такое соглашение будет в известной степени сдерживать поведение другой на международной арене. Для советского руководства было важно и пропагандистское звучание такого соглашения, инициатором которого оно было. Администрация же Никсона постаралась не очень его рекламировать, учитывая настороженность своих европейских союзников. Одновременно она заявляла, что соглашение не затрагивает имеющихся у США обязательств перед другими странами.

Конечно, основным недостатком этого соглашения, как и заявления 1972 года об основных принципах взаимоотношений между СССР и США, была его декларативность. В обоих документах не было заложено никакого механизма по их осуществлению. После заключения соглашения о предотвращении ядерной войны не было предпринято никаких попыток односторонне либо совместно конкретизировать или обсудить вопрос о том, как должны на практике осуществляться эти принципы.

И все же морально-политическое влияние этого соглашения на международную атмосферу и на советско-американские отношения того периода нельзя недооценивать. В совместном коммюнике Брежнев и Никсон объявили это соглашение историческим этапом в отношениях между обеими странами.

Предметом конфиденциального обсуждения в Сан-Клементе были отношения с Китаем. Брежнев очень напористо и даже несколько эмоционально обсуждал эту тему. Он предупреждал президента против каких-либо военных соглашений с Китаем. Никсон заверял, что развитие отношений Вашингтона с Пекином не направлено против СССР. Советский руководитель жаловался «на вероломство» китайских лидеров, которые «стремятся столкнуть СССР и США», и добивался от Никсона соответствующих заверений. Последний делал это, но осторожно, чтобы сохранить возможность игры на этой озабоченности Москвы.

Хотелось бы остановиться на некоторых деталях организации и проведения самого визита Брежнева в США, ибо подчас они были уникальными по своему характеру не только в истории советско-американских отношениях, но и в практике приема глав иностранных государств в Вашингтоне.

Надо сказать, что советские службы безопасности, которые отвечали — совместно с американскими службами — за быт и условия работы Генерального секретаря в этой поездке, имели строгое указание: обеспечить высокий уровень организации визита, чтобы Брежнев «выглядел не хуже президента США». Это создавало подчас необычные и курьезные ситуации. Прежде всего были предъявлены повышенные требования в отношении обеспечения Брежнева телефонной связью. Помимо местного отдельного телефона, его обслуживала специальная советская телефонная связь (с нашими телефонистками и операторами), которая могла соединить его с членами советской делегации в разных точках Вашингтона. Он пользовался также прямой спутниковой связью с Москвой, что по тем временам было для нас не совсем обычным делом.

Брежнев был явно доволен тем, что его визит обставлен такими атрибутами технического прогресса, и, как только он прибыл в Кэмп-Дэвид (в первый день прилета в США), он стал обзванивать членов делегации в Вашингтоне, а также позвонил жене и некоторым друзьям из советского руководства в Москве и рассказал о своих первых впечатлениях об Америке. Надо сказать, что американцы, видимо, поняли этот «престижный» настрой Брежнева и даже пошли на то — что было совсем необычно, — чтобы разрешить нам поставить в самом Белом доме несколько аппаратов нашей внутренней телефонной связи на тот случай, если Брежневу понадобится воспользоваться ею во время пребывания там (как и следовало ожидать, такой необходимости не было).

Больше того, администрация — в ответ на нашу просьбу — пошла еще на один необычный шаг: по соображениям безопасности

на время пребывания Брежнева в Вашингтоне одна их главных улиц столицы — Пенсильвания авеню — на участке Белого дома и прилегающих домов была закрыта для обычного городского транспорта. Это было сделано для того, чтобы ее можно было свободно пересекать пешком на пути из «Блэйр хауса» в Белый дом.

В Кэмп-Дэвиде Никсон передал Брежневу в подарок автомобиль последнего выпуска марки «континенталь». (Между прочим, Брежнев сам на это прозрачно намекнул заранее по конфиденциальному каналу.) Он был весьма доволен новым подарком и захотел тут же опробовать автомашину, усадив в нее Никсона, чтобы показать ему свое искусство вождения (из сопровождавших я был один в качестве переводчика). Генеральный секретарь, вообще говоря, неплохо водил автомашины, но это была незнакомая ему модель с мощным мотором. Хотя я его предупредил об этом, но ему очень уж не терпелось, и он с ходу дал полный газ. Машина рванулась. Нас всех сильно качнуло; президент Никсон перенервничал, когда он чуть было не ударился головой о ветровое стекло после того, как Брежневу пришлось метров через сто резко затормозить из-за крутого поворота (дорожки Кэмп-Дэвида явно не приспособлены для скоростной езды, там передвигаются на электрокарах).

Потрясенный Никсон все же нашел в себе силы, чтобы дипломатично сказать: «Господин Генеральный секретарь, Вы хорошо водите автомашину.» Впрочем, Брежнев воспринял это как должное.

Из протокольных мероприятий впечатляющими были церемонии подписания совместных документов и официальный обед в честь советского лидера. Все было сделано со вкусом и с большим тактом, особенно если учесть, что это были первые мероприятия такого рода в Белом доме за всю историю советско-американских отношений, да еще в период «холодной войны».

Запомнился в этой связи по-своему исторический момент, когда мажордом громко объявил собравшимся о появлении Брежнева, приглашая тем самым всех встать: «Дамы и господа! Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза!» Такое впервые прозвучало под сводами Белого дома. Брежнев, да и сопровождающие его сотрудники, как и все присутствовавшие, почувствовали необычность ситуации. Кто же знал в тот момент, что через двадцать лет в СССР вообще не будет больше такой правящей партии, которая долгое время в глазах многих американцев была символом «империи зла», да и сам СССР перестанет существовать.

Брежнев устроил в посольстве ответный обед в честь Никсона (все продукты были доставлены спецсамолетом из Москвы). Русская кухня была представлена обильно и со вкусом. Поднятию настроения помогали водка и кавказские вина.

На обеде в «золотом зале» посольства было около 100 гостей во главе с президентом и его супругой. Киссинджер, в то время холостяк, пришел на обед с известной кинозвездой и непринужденно попросил — в нарушение всех протоколов — посадить ее рядом с собой, что и было сделано. Надо сказать, что об этой привычке Киссинджера Никсон знал давно. Еще в 1971 году его помощник Халдеман прислал Киссинджеру и организаторам обедов в Белом доме полушутливый меморандум со ссылкой на Никсона: «При рассадке на государственных обедах Киссинджер, как полагает президент, не должен обязательно всегда сидеть рядом с наиболее эффектной женщиной».

Брежнев остался доволен обедом в нашем посольстве. После обеда он захотел посмотреть, «где живет посол». Втроем — к нам присоединилась жена — мы поднялись на третий этаж, где находилась небольшая квартира посла. Присели. Гость находился в хорошем настроении. Он стал расспрашивать о нашем житье-бытье. Завязался обычный житейский разговор. В это время появился встревоженный начальник охраны и начал делать мне знаки, как бы приглашая меня выйти. Брежнев заметил это и сказал: «Нечего наушничать. Говорите — тут все свои».

Помявшись, начальник охраны сказал, что только что был анонимный звонок в посольство, будто в нем заложена бомба, и что лучше Брежневу срочно вернуться в «Блэйр хаус».

Я поддержал его (как говорится, «береженого и Бог бережет»).

«А ты что будешь делать?» — спросил меня Брежнев. Моя жена¹⁴ тут же ответила, что такие звонки бывают довольно часто, и так как нам идти некуда, то мы обычно продолжаем заниматься своими делами.

Брежнев заявил, что он тоже «не будет паниковать» и посидит с нами еще полчаса. Что он и сделал, несмотря на уговоры сразу уехать. Было уже около 12 часов ночи. Все обошлось благополучно, хотя мне и пришлось понервничать: ведь посол отвечает за все.

Весьма своеобразным был второй этап поездки Брежнева, когда он вместе с Никсоном на президентском самолете отправился в Калифорнию, в Сан-Клементе, где находился собственный дом президента. Там он по приглашению Никсона и остановился. Дом и личные апартаменты президента были вполне скромными — одноэтажный дом с внутренним двориком, окруженным самим зданием.

На местном аэродроме «игра в телефон» продолжалась. Поскольку эта часть визита не предусматривала никаких официальных церемоний, в том месте, где должен был остановиться самолет, были лишь охрана и обслуживающий персонал. Однако рядом на поле одиноко стояла тумбочка с телефоном прямой связи

с Москвой на случай, если Генеральному секретарю «понадобится» такая срочная связь (на этом настояла советская сторона; тут опять сыграли свою роль скорее ложно понимаемые престижные соображения, чем реальная потребность).

Вечером Никсон устроил во дворе дома вокруг бассейна прием в честь Брежнева. Присутствовала калифорнийская знать, среди которой выделялись голливудские звезды. В их числе был и Рональд Рейган. Надо сказать, что Брежнев любил американское кино, но в основном лишь ковбойского жанра. Эти картины он часто смотрел дома и знал актеров. На приеме он уделял основное внимание актерам ковбойских фильмов, чем, видимо, несколько обидел других «звезд». Особенно ему понравился Чак О'Коннер¹⁵, который привез ему в подарок ковбойский пояс с двумя пистолетами (Брежнев не без гордости показывал эти пистолеты в Москве своим коллегам, а при полете из США домой надел этот пояс и «демонстрировал» ковбойские приемы с пистолетами, которые он видел когда-то в кино).

После приема Никсон устроил для Брежнева ужин, на котором присутствовали также Киссинджер, Роджерс, Громыко и я. Так получилось, что после ужина Никсон с Брежневым несколько задержались, обсуждая что-то (я действовал в качестве переводчика). Вначале разговаривали стоя, затем присели. Никсон предложил вина и виски. Брежнев предпочитал «чистые» виски (чтобы «не портить их водой») и быстро захмелел. Разговор с общеполитических и международных тем перешел на сетования Брежнева о том, как нелегко быть Генеральным секретарем, как ему приходится в отличие от президента США выслушивать «всякие глупости» от других членов Политбюро и учитывать все-таки их общее мнение. Он стал жаловаться, называя конкретные фамилии (Косыгина, Подгорного), что некоторые из его коллег «подкапываются» под него и что ему все время приходится быть начеку.

Никсон явно чувствовал себя не в своей тарелке, слушая — хотя и не без интереса — все эти «откровения» подвыпившего Брежнева. Мне же при переводе приходилось всячески выкручиваться, обходить наиболее деликатные детали взаимоотношений членов кремлевского руководства, о которых я и сам порой не все знал.

В конце концов, мне, не без помощи Никсона, удалось увести сильно захмелевшего Брежнева в отведенную ему комнату. На другой день он меня спросил: «Анатолий! Много я наговорил вчера лишнего?» Ответил ему, что было такое дело, хотя я старался не все переводить. «Это ты правильно сделал, — заметил он. — Черт меня попутал с этим виски, я к нему не привык и соответственно не рассчитал свою дозу».

Больше таких срывов у него не было. Они с Никсоном продолжали обмен мнениями по разным вопросам (наиболее активно использовали свое время в Сан-Клементе для отдельных неофициальных, но интенсивных переговоров Киссинджер и Громыко).

Той же ночью произошло одно необычное событие. Комнаты президента находились — через дворик — напротив спальни Брежнева. У его двери дежурил сотрудник его личной охраны Медведев. Около двух часов ночи открылась дверь одной из комнат напротив и оттуда вышла во дворик жена президента Патриция¹⁶. В длинной ночной рубашке, босиком она стала медленно переходить дворик, причем глаза ее были устремлены куда-то ввысь. Она была в каком-то трансе. Когда она дошла до нашего охранника, то остановилась, но на его вопросы никак не реагировала. Его попытки повернуть ее и отвести обратно не увенчались успехом. Она стояла как вкопанная. После некоторых колебаний он взял жену президента на руки, отнес в ее спальню и уложил в постель. В это время подбежали два сотрудника американской охраны, которые куда-то отходили, и, выразив благодарность, снова встали на свой пост. Наш охранник, мягко говоря, был потрясен: ведь не каждый же день он носил на руках первую леди США.

В последний день пребывания в «калифорнийском Белом доме» намечалось обсуждение ближневосточных проблем. Было решено, что это можно будет сделать после обеда, часов в пять, так как Брежнев днем после обеда обычно ложился отдыхать часа на два.

Когда время стало приближаться к пяти, а Брежнев все еще не выходил, я предложил Громыко, чтобы он зашел к нему и напомнил о встрече. Однако Громыко отказался, сказав, что Леонид Ильич нуждается в отдыхе, его нельзя будить и что Никсон, находясь у себя дома, может и подождать. Я несколько раз напоминал об этом, но Громыко был упрям, хотя и Киссинджер стал интересоваться. Наконец, часов в девять вечера раздраженный Киссинджер заявил, что если встреча не начнется скоро, то ее придется отменить, ибо Никсон привык рано ложиться спать. Громыко заколебался, а я, уже не спрашивая его, пришел к спальне Брежнева, где и сказал начальнику охраны, что мне нужно срочно переговорить с Брежневым. Последний, услышав мой голос, сразу же позвал меня к себе. «Чего же ты меня сразу не разбудил?» Минут через десять все, наконец, уладилось, и он отправился к Никсону.

На беседе с Никсоном были также Киссинджер, Громыко и я. Проходила она в домашнем кабинете президента и, начавшись часов в 10 вечера, затянулась на несколько часов. Брежнев, который хорошо выспался, чувствовал себя в боевой форме. Никсон же, привыкший рано ложиться спать, наоборот, был неактивен,

утомлен и к концу беседы несколько раз подкладывал под голову подушки. Да и тематика беседы — ближневосточное урегулирование — не вызывала у него интереса, поскольку было ясно, что на данном этапе ни о чем путном по этому вопросу нельзя было договориться. Это понимали все присутствующие, кроме, пожалуй, самого Брежнева, который, видимо, считал, что он защищает правое дело, что ему удастся, в конце концов, своим красноречием убедить Никсона. Наоборот, своей настойчивостью он создал у Никсона впечатление об особой заинтересованности советского руководства договориться негласно с ним по ближневосточным делам. Это лишь насторожило его. К тому же изложенная ему позиция по урегулированию, как и прежде, была проарабской.

Разошлись мы глубокой ночью, часа в два или три, с обычной в таких случаях ссылкой на то, что весь этот вопрос будет в дальнейшем обсуждаться на уровне министров.

И все-таки в высказывания Брежнева по Ближнему Востоку был один важный элемент, заслуживающий внимания Никсона. Однако ни он, ни Киссинджер, по моим наблюдениям, не придали ему большого значения. Дело в том, что на заседании Политбюро Брежневу было поручено обратить внимание президента США на растущую угрозу новой арабо-израильской войны и на то, что Советскому Союзу становится непросто сдерживать своих арабских союзников. Соответственно возникала необходимость более тесного советско-американского взаимодействия. Обо всем этом Брежнев и говорил Никсону, правда, в навязчивой, но не очень убедительной форме. Последний воспринял это, как видно из его мемуаров, лишь как нажимную тактику своего собеседника. А зря. Буквально через несколько месяцев, в октябре, разразилась новая война¹⁷.

После ночных переговоров мы с Громыко пошли провожать Брежнева до его комнаты. Когда мы пришли, он неожиданно вспомнил, что в Москве перед его отлетом в США ему поручили на Политбюро договориться с Никсоном о продаже нам нескольких миллионов тонн зерна. Поскольку больше официальных встреч с Никсоном уже не было запланировано, а мы вылетали рано утром домой (Никсон оставался в Сан-Клементе), возникла необычная ситуация: как же договориться о зерне.

Громыко предложил мне поехать к Киссинджеру (он временно жил вне усадьбы Никсона). По мнению Громыко, Киссинджер найдет способ связаться с Никсоном, хотя и была поздняя ночь, и получить от него согласие на продажу зерна.

Я сказал Громыко, что Киссинджер наверняка уже лег спать, и мое вторжение в три часа ночи было бы просто неуместным. Од-

нако Брежнев поддержал Громыко, отметив, что я могу сослаться на его личную просьбу к нему и что «Генри поймет и поможет». Брежневу явно не хотелось уезжать, не выполнив важное поручение Политбюро.

Разумеется, Киссинджер был, мягко говоря, удивлен, когда я заявился к нему домой с такой просьбой. Он сказал, что будить президента в такой час, конечно, не будет. С другой стороны, ему не хотелось и отказать Брежневу, когда тот обращался прямо к нему с личной просьбой. Порассуждав вслух о том, что зерно у них действительно есть для продажи и что президент, судя по всему, дал бы согласие на это, Киссинджер предложил следующий вариант: передать Брежневу в принципе положительный ответ, который, однако, давался в общей форме, т. е. не было прямых ссылок на согласие самого президента, но оно вместе с тем как бы подразумевалось.

Киссинджер предупредил меня, что он с самого утра доложит обо всем этом президенту и надеется на его одобрение. Тогда Брежнев, без дополнительных разъяснений, улетает как бы с переданной ему ночью санкцией президента на зерновую сделку. Если же президент не согласится, то Киссинджер сразу же позвонит мне и тогда придется все объяснить Брежневу. Но все обошлось благополучно, и ему ничего не пришлось дополнительно объяснять. Брежнев же был признателен Никсону и Киссинджеру за то, что срочное решение по его запоздалой просьбе было принято, как он думал, глубокой ночью накануне его отъезда из Калифорнии.

Брежнев был доволен и даже горд результатами своего визита. С борта самолета он послал телеграмму Никсону с благодарностью за оказанный радушный прием в США.

Перед отлетом Брежнев великодушно предложил мне оставить в посольстве прямую спутниковую телефонную связь с Москвой, хотя и оговорился, что ее содержание будет стоить дорого. Я поблагодарил его, но, сославшись на дороговизну и необходимость держать в посольстве дополнительный технический персонал для обслуживания такой связи, отклонил это предложение, заявив, что посольство располагает бесперебойной телеграфной связью с Москвой.

Действительная же причина моего отказа была иная. Этот телефон спутниковой связи был установлен в посольстве за неделю до приезда Брежнева. И вся эта неделя была для меня практически бессонной. И Брежнев, и Громыко, и другие руководители хотели лично опробовать эту новую тогда для них связь с Вашингтоном и звонили мне по каждому поводу и без повода («какая погода в Вашингтоне?») — При этом они не очень думали, что из-за 8-ча-

совой разницы во времени между обеими столицами их звонки, как правило, приходились на глубокую ночь в американской столице. Так что я возненавидел этот телефон и не хотел, чтобы он оставался у меня дальше. Брежнев же оценил мой отказ как заботу об экономии государственных средств.

Визит Брежнева ознаменовал собой успешное развитие того активного политического, дипломатического и межгосударственного сотрудничества, которое началось после первого визита Никсона в Москву в 1972 году. Личные отношения руководителей обеих стран заметно укреплялись. Казалось, что наступает новый период в отношениях между СССР и США. К сожалению, он был недолговечен, как и надежды советского руководства на необратимость разрядки.

